

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЭЛЛА САВИЦКАЯ

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПРЕСТУПНИК

Элла Савицкая

Мой любимый преступник

«Автор»

2019

Савицкая Э. А.

Мой любимый преступник / Э. А. Савицкая — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-07437-8

Аня - простая студентка, живущая в крошечной однушке. Однажды она возвращается домой от родителей, и ее жизнь кардинально меняется. Дима стал свидетелем преступления, а закон вместо того, чтобы помочь, отвернулся от него. И теперь ему нужно прятаться не только от бандитов, но и от полиции. Чтобы выжить он берет заложницу и... влюбляется в нее. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07437-8

© Савицкая Э. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Элла Савицкая

Мой любимый преступник

Глава 1

Аня

– Ань, а ты купишь мне хот-дог? – уже третий раз с неподдельной мольбой в глазах вопрошает Катюшка. Моя шестилетняя племянница, с которой мы целую неделю гостили у моих родителей, её любимых бабушки с дедушкой, и которую я должна была сегодня в целости и сохранности вернуть Диане. Моя старшая сестра только недавно устроилась на престижную работу и брать отпуск никак не хотела, поэтому щедро наградив меня племяшкой, отправила нас в городок, в котором я родилась и где все еще жили наши родители. А я и не была против. Катюшку я обожала. Души не чаяла в неусидчивой, болтливой девчужке, которую нянчила с пеленок. Когда у меня будет своя дочь, я очень хочу, чтобы она была такой же как Катеринка. Веселой, эмоциональной и общительной. Эта девочка во всех видела хорошее, увлекала в разговоры даже незнакомых, заставляя тех забыть о своих делах и посвятить хотя бы пару минут ей одной. Некоторые поддавались её уловкам, другие, ссылаясь на занятость, спешили удалиться. Я же занятой для девочки никогда не была. Всю неделю мы с мамой баловались разного рода выпечкой, начиная с печенья и заканчивая пирогами с мясом. Смотрели мультики, ходили на речку. Самый лучший отдых перед месяцем работы в магазине мобильной связи, а потом и целым учебным годом.

– Куплю, вымогательница, – я знаю любовь Кати к хот-догам в этих новомодных скорых поездах. И о ценах на них тоже в курсе. На эти же деньги я могу купить себе литр кефира и буханку хлеба, которых может хватить дня на три. А хлеба и того больше. Но ничего. Нужно добивать эти каникулы до конца, а потом и экономить буду. Ди вряд ли купит такую «гадость» дочери сама.

Катя радостно хлопает в ладоши и благодарно обнимает меня за талию. Хитрюга маленькая. Мы берем наши многочисленные сумки и тащим их на перрон. Ташу в основном я, Кате же вручила что полегче. Хорошо, что взяли билеты на утро, а то по жаре ехать нет никакого желания. Лето в этом году выдалось особо жаркое, будто солнце решило намеренно выжечь весь урожай. Объявляют наш поезд, и мы, примерно посчитав, где остановится наш вагон, идем в ту сторону.

– Ань, – дергает меня за рукав Катя, – А кто это такой? – указывает маленьким пальчиком на доску объявлений. Я поднимаю взгляд и пробегаюсь глазами по тексту. Катя показывает на фото пожилого мужчины, который совершил разбой в одном из магазинов и теперь находится в розыске. Перевожу взгляд на фото, располагающееся ниже. Разыскивают еще какого-то особо опасного преступника. Ужас какой. Вроде бы живешь и не думаешь о том, что рядом находятся люди, способные совершить преступления. Да и лицо у этого бандита отталкивающее, злое. Черты острые, а глаза холодные. Я невольно ежусь. Скорее бы его поймали. Наверняка совершил что-то из ряда вон выходящее, раз объявления о розыске висят через каждый метр. Я только сейчас замечаю, что листовок этих действительно очень много. На каждом шагу прямо-таки.

– Это нехороший человек, Кать, – вспоминаю про вопрос племянницы. – Его разыскивает полиция и просит всех, кто его увидит, позвонить. Так они быстрее его поймают.

– Ааа, – задумчиво протягивает племяшка, а потом подъезжает наш поезд. Мы входим в вагон, занимаем свои места. Я у окна, Катя у прохода. Ей нравится наблюдать за другими людьми, и так вставать проще, чтобы побродить по вагону, что особо любит моя неусидчивая

девочка. Этот поезд, конечно, не сравнится с советскими. Комфортабельный, чистый, уютный. Да и едет намного быстрее. Всего три часа, и мы в столице.

Проводник проверяет наши билеты и отправляется в другой вагон, а мы теперь расслабленно смотрим мультики на моем смартфоне, разделив одни наушники на двоих. Ну а что? Не в окно же три часа пялиться на однообразный вид. Лучше мультики посмотрю. Их я люблю, не смотря на свои двадцать два года.

– Ань, пошли уже за хот-догом, – серые глазки загораются спустя минут двадцать просмотра, и Катя ставит мультфильм на паузу. – Еще сок купим.

– Сейчас тележка проедет, и пойдем, – заметив в проходе тележку, на которой развозят кофе с сэндвичами и шоколадками для продажи, останавливаю ее я. Эту махину не обойти. Она занимает весь проход. Мы откидываемся обратно на сиденье и собираемся уже продолжить просмотр, как Катю вдруг резко поднимают с места. Я направляю непонимающий взгляд на человека, посмеявшегося так грубо схватить ребенка. Подскакиваю следом за ней, но натываюсь на взгляд суровых глаз и замираю под силой их давления.

– Сядь, – произносит тихо мужчина, занимая место Кати и усаживая её себе на колени. – Я друг твоей сестры, – поясняет спокойно девочке, когда та вопросительно на него смотрит, даже не испугавшись.

– Она мне не сестра. Это моя тетя.

– Значит, тети.

– Что вы себе позволяете? – возмущаюсь я, хватая девочку за руки и собираясь позвать проводника.

– Рот закрой и сядь на место, – угрожающе тихо цедит он сквозь зубы, прожигая меня взглядом из-под черного капюшона толстовки. По спине холод распространяется. Я узнаю эти глаза. Злые и жуткие. Руки начинают мелко дрожать, когда я вдруг замечаю, что он одной рукой крепко держит Катю, а вторую прячет в кармане, из которого виднеется краешек черной пластмассы. Не нужно быть большого ума, чтобы догадаться что это. Пистолет. Страх молниеносно сковывает сознание. Темно-зеленые глаза жгут, буквально опуская меня на сиденье и заставляя вжаться в него спиной. Этого не может быть. Не с нами. Почему этот вагон? Почему именно мы? Перевозу охваченный ужасом взгляд на Катю. Она ведь еще такая маленькая. Паника захлестывает, лишая возможности рационально мыслить. Все, что я могу сделать сейчас, это тихо просить Бога о помощи и о том, чтобы мы остались живы.

– А ты точно Анин друг? – уточняет моя разумная не по годам девочка, наблюдая видимо ужас на лице своей невезучей тетушки. Мужчина прищуривается, ожидая от меня подтверждения.

– Да, Катюшка, это мой друг, – дрожащим голосом произношу я, выдавливая из себя жалкое подобие улыбки. В отличие от меня, Катя, кажется, совсем не боится. Наоборот. Смотрит с интересом на мужчину, который является прямой угрозой ее жизни. Особо опасный преступник, вспоминаю я, чувствуя, как сердце сходит с ума от страха, рвется сквозь ребра, как сумасшедшее.

– Катя, да? – переспрашивает он, – Посмотри мультики, Катя, – кивает на рядом лежащий телефон. Девчушка пожимает плечами, взглянув в сторону только подъезжающей к нам тележки, и послушно утыкается в экран.

Зеленые глаза обращаются ко мне, и я сцепляю вспотевшие ладони.

– Аня, послушай меня, – я очень стараюсь, но не могу оторвать взгляда от его руки в кармане, страшась даже смотреть в это жестокое лицо. Именно жестокое, потому что взять в заложники женщину с ребенком мог только бессердечный человек. – Все будет в порядке, если будешь вести себя так, как я скажу. Поняла? – хрипло говорит разыскиваемый, и я медленно киваю, все-таки взглянув ему в глаза. Напряженные, сумасшедшие. Сейчас они мне казались именно такими. Ненормальными. Лучше слушаться, тогда возможно все и правда будет

в порядке, наивно успокаиваю себя я. – Если спросят, вместе ли мы, отвечай, что вместе. Я поеду с вами до столицы. Ты поняла?

Я снова киваю. В горле пересохло, как в Сахаре. Смотрю по сторонам, где вокруг сидят несколько десятков людей, и понимаю, что спасение так близко. Стоит только закричать. Но если вдруг бандит схватит Катю и начнет прикрываться ни в чем неповинным ребенком? Я же никогда себе этого не прощу. Не смогу жить дальше, если с малышкой что-нибудь случится. Когда смотришь фильмы, все кажется таким простым. Вроде бы ну что тут такого, выхватить пистолет, ударить и перехватить инициативу? Но все не так легко в реальной жизни. Страх сковывает, а сомнения не позволяют сделать ни одного лишнего движения. Если я хотя бы драться умела, а так, боюсь даже крыс и змей. Слабачка. Из-за моего неумения постоять за себя может пострадать родная племянница.

Мимо проезжает тележка, зацепив локоть мужчины, и отчего он резко дергается, вытаскивая пистолет наполовину из кармана. У меня сердце камнем летит вниз. Качаюсь в сторону Кати, собираясь бороться с ним во что бы то ни стало, но видимо поняв, что это всего лишь продавец кофе, мужчина быстро возвращает оружие на место. Господи, всего несколько секунд, а я успела подумать, что с ума сойду. От перенапряжения и волнения слезы жгут глаза, и я с усилием глотаю ком.

Катюшка сидит полностью отрешенная от реальности, с интересом наблюдая за развитием событий на экране. А потом вдруг нажимает на паузу и восклицает:

– Мы же не купили хот-дог. Я есть хочу, пойдемте?

Мужчина, кажется, сомневается. Напряженно обдумывает что-то, но когда в дверях показывается проводник, произносит:

– Пойдем купим, – ставит Катю на пол и ждет, пока я выйду в проход. – Иди вперед, мы за тобой, – звучит как приказ, но я бы сейчас и не подумала ослушаться. А потом добавляет на ухо, заставляя поежиться от жесткого рокошущего голоса. – Не вздумай что-нибудь выкинуть.

Я на негнущихся ногах иду в сторону вагона – ресторана, Катя между нами. Один вагон, второй, входим в третий. И тут я вдруг вспоминаю, что у меня в переднем кармане мобильный. Можно ведь написать сообщение сестре, и как только мы доедем, на вокзале его тут же и арестуют. Эта шальная мысль несет взбудораженную кровь по венам с бешеной скоростью. Шанс на спасение есть, и нужно его использовать. Главное незаметно. Страх леденит душу, но не воспользоваться даже малейшей возможностью нельзя. Только как достать смартфон так, чтобы преступник не заметил? Мы подходим к очередной сенсорной двери, я оборачиваюсь полу-боком, делая вид, что просто хочу посмотреть, как там племянница, и в это же секунду хватаю пальцами край мобильного, быстро вытаскивая его. На мужчину стараюсь не смотреть. Его тяжелый взгляд пугает. Чернота в глазах обездвиживает. Или это не чернота, а осознание того, какие преступления он уже совершил и на что еще способен. Дверь отъезжает в сторону, мы проходим тамбур и входим в следующий вагон.

Теперь нужно быстро напечатать, пока мы не дошли до ресторана. Меня буквально подбрасывает от страха быть пойманной, пальцы дрожат, пока я стараюсь открыть контакты и напечатать сообщение. Т9 выдает ерунду. Когда я почти уже напечатала банальных несколько слов «Нас взяли в заложники, вызови на вокзал полицию», вдруг слышу над самым ухом свирепое:

– Я, кажется, предупредил, – телефон грубо вырывают из рук и окатывают таким взглядом, что у меня колени подкашиваются. Стирает сообщение и засовывает смартфон к себе в толстовку. Хватает меня за шиворот, пока Катя отворачивается к окну, захваченная пейзажем реки, и дергает на себя. – Слушай сюда, – мужское лицо в миллиметре от моего, суровое, рассерженное тем, что дерзнула ослушаться. – Я обещаю вас отпустить, – цедит сквозь зубы, – только будь послушной девочкой и больше не смей делать то, что посещает твою маленькую головку. Ты же не хочешь, чтобы я, сойдя с поезда, прихватил с собой твою племянницу? – я

сглатываю, не в силах выдать ответ. Да он его и сам знает. Какой нормальный человек будет рисковать ребенком? – Пошла! – толкает меня в очередной вагон, следом за которым находится ресторан. Прикрываю глаза от разочарования и очередной порции слез, но быстро стираю их тыльной стороной ладони. Почему на уроках в школе учат как готовить салаты, вместо того, чтобы показывать девочкам как защищать себя? Выдыхаю и стараюсь успокоиться, лишь бы не напугать бледным лицом Катюшку.

Мы занимаем очередь, ожидая, пока желающие скоротать путь накупят по два-три хот-дога, сэндвичи и кофе. Все пассажиры расслаблены, непринужденно болтают, смеются. Легкие наполняет запах готовящихся французских булок и копченых сосисок. Мой же желудок от переживания грозит вывернуться наизнанку.

– А как тебе зовут? – вдруг вопросительно вскидывает голову Катя. Мужчина мельком одаривает ее равнодушным взглядом, осматривается по сторонам. Он все время напряжен и то и дело кого-то высматривает. Вероятно, опасается полиции.

– Дима, – снова возвращает на нее глаза.

– А давно ты Аню знаешь? – продолжает расспрашивать Катюша.

– Катюш, лучше думай с какой сосиской выбрать хот-дог, – спешу перевести её внимание на себя, – С копченой или молочной?

– Молочной. Копченая острая, я не люблю такую.

Мы берем хот-дог с соком и возвращаемся на место. Катя предлагает поделиться и со мной, и даже с этим Димой, но мне кусок в горло не лезет. Я мечтаю только об одном, чтобы мы скорее добрались до города. Три часа тянулись как никогда долго. Меня то трусило, то отпускало. Я успокаивала себя мыслью, что еще немного и этот кошмар закончится. Точнее очень верила в это. Несколько раз проходил проводник, и я каждый раз ждала, что он заметит неверное количество пассажиров, занявших наши места, но нет. Молодой человек в униформе проходил мимо, пока я провожала его спину умоляющим взглядом остановиться, обернуться, подойти и спросить документы. Я только сейчас поняла, что значит молча кричать. Я орала о помощи, но меня не слышали. Напряжение граничило с сумасшествием. Еще никогда прежде я не испытывала подобного волнения, когда даже сердце болит и грудную клетку выламывает.

Когда поезд подъезжает на конечную станцию, я готова разрыдаться. Пассажиры начинают вставать со своих мест и двигаться к выходу. Дима, который все это время молча сверлил взглядом двери в вагон, сейчас вдруг перегибается через меня и выглядывает в окно. Толстовка сдвигается, и перед моими глазами оказывается крепкая шея, на которой отчетливо выделяется быстро пульсирующая вена. Под левым ухом у него выведено тату в виде скрипичного ключа. Возможно, он когда-то был музыкантом. Я не замечаю, как стала вжиматься в спинку кресла, пока он пристально высматривает кого-то на улице. Поворачивает лицо ко мне, и я еще крепче вжимаю голову в подголовник.

– Сейчас спокойно выходим и идем в сторону такси.

– Хорошо, – слушаюсь я.

С собой у нас небольшой чемодан, две сумки с несколькими банками консервации и пара пакетов, в которые любящие бабушка и дедушка наложили сладостей для внучки. Еще небольшой личный рюкзак Катюши, без которого она никуда не выходит. Мы сходим с поезда, входим в вокзал, где как мухи толпится народ. Все спешат, бегут в разные стороны, потерянные в своих собственных мыслях и суетности. Хоть бы затеряться между ними, только не выйдет. Этот Дима следует за нами незримой тенью. Держит Катю за плечо и даже не взял у нас ни одной сумки, чтобы помочь. Ублюдок. Это чтобы мы не подумали сбежать, наверное. В разных углах толпятся полицейские, и когда мы проходим мимо них, похититель спокойствия с жестким звериным взглядом в мою сторону крепче прижимает к себе Катюшу, намекая мне, чтобы даже не смела позвать на помощь. Мы выходим на улицу и уже подходим к парковке с такси, когда сзади раздается вдруг мужской голос.

– Девушка!

Оборачиваемся и видим спешащего в нашу сторону мужчину в форме. Полицейский. Господи, они его узнали. Мое сердце готово проломить грудную клетку от радости. Да, да, быстрее, схватите его и посадите. Дима заметно занервничал. Шагает за мою спину и тычет в нее пистолетом. Мимолетная радость в секунду развеивается. Я уверена, что у меня вся краска с лица сошла. Цепляюсь пальцами в рукоятку чемодана, как будто она может хоть как-то помочь. Можно развернуться, выбить из рук пистолет, но я словно к месту приросла. К земле ужасом придавило.

– Девушка, – повторяет полицейский, оказавшись перед нами. Холодный металл в спину вжимается сильнее, и я еле сдерживаю рвущуюся мольбу о помощи. – Вы уронили плюшевого мишку.

– Ой, это мой. Наверное, из рюкзака выпал, – радостно вскрикивает Катя, забирая у полицейского игрушку и вталкивая её в рюкзачок. – Спасибо.

– Не теряй больше, – доброжелательно улыбается ей средних лет мужчина, а потом оценивающе смотрит на нас. Вероятно, на моем лице отображаются все эмоции, потому что он слегка прищуривается и внимательно исследует сначала меня, а потом Диму. – У вас все в порядке? – интересуется, переводя взгляд с нас на Катю и обратно. Нееет, кричу я мысленно, нет, не в порядке.

– Все отлично, спасибо, товарищ сержант, – звучит сзади довольно бодрым голосом. Я медленно моргаю. – Мы будем внимательно следить за игрушками, правда, Катюша? – продолжает пускать пыль в глаза тот, чье дуло пистолета больно упирается мне в поясницу.

– Да, – кивает головой ничего не подозревающая девчушка. – А вот такси, – указывает пальцем на приближающийся автомобиль, и полицейский прослеживает за ее взглядом. Белая машина останавливается рядом с нами после того, как Дима махнул свободной рукой, тормозя водителя. Полицейский вежливо прощается, возвращаясь в сторону вокзала, но все еще периодически оборачивается, пока водитель загружает наши вещи.

Под заинтересованным взглядом стража порядка мы втроем занимаем заднее сиденье.

– Говори адрес, – приказывает наш похититель, поглядывая на блюстителя закона из окна. Я диктую адрес сестры, куда должна отвести малышку, и так же с горечью выглядываю в окно.

Не знаю откуда взялось понимание, что теперь он нас не отпустит. Возможно, это просто домысел, вызванный переизбытком нервного потрясения, или шестое чувство. Но я вдруг отчетливо понимаю, что это все. Он не выполнит обещание. Только почему тогда позволил назвать адрес Дианы? Возможно, я ошибаюсь, и он все же довезет нас домой и исчезнет навсегда, как самый дурной кошмар? Как же я ошиблась. Никогда нельзя радоваться заранее, потому что потом горечь от неосуществленного ожидания в разы сильнее.

Мы действительно подъехали к указанному дому, и Дима просит водителя подождать. Приказав забрать все Катины вещи, поднимается с нами к сестре, которая сразу открывает дверь.

– Мааам, – Катюша бросается ей на шею, радостно обнимая.

– Привет, золотая, – обнимает ее в ответ старшая сестра, быстро поцеловав в обе щеки, и с интересом смотрит сначала на незнакомого ей мужчину, а потом уже на меня. – Привет, сестрица. И вам здрасте.

– Добрый день, – сдержанно здоровается Дима, как и пятнадцать минут назад угрожая мне оружием сзади.

– Меня Диана зовут, – сестра протягивает руку для знакомства, но рукопожатия не получает.

– Дима, – отвечает все так же ровно, но потом добавляет, судя по всему, с улыбкой. – Руки с дороги в пыли. Не хочу Вас пачкать.

Ди улыбается, махнув рукой.

– Рада знакомству. Наконец, моя Анька нашла себе парня, а то я уже серьезно опасалась за нее. Со своей учебой совсем о личной жизни не думает, – по своему обыкновению спешит обсудить меня сестра. Я уже привыкла к тому, что каждый раз, когда навещаю её, она читает мне нотации о том, что пора найти мужчину, а то так и останусь никому не нужной. Ну да. Она ведь умная, выскочила замуж в двадцать, родила Катюшку, а её муженек и сбежал, не выдержав ответственности за семью. Зато теперь меня учит. Дима никак не отреагировал на её реплику, поэтому Диана решила пойти иным путем, совершенно игнорируя мои многозначительные взгляды полные немой мольбы о помощи, – Вы давайте заходите. Сейчас чаек заварю. Познакомимся, расскажете о себе.

– Мы торопимся, – коротко отсекает ее приглашение бандит и, взяв меня за локоть, тянет к лифту.

– Как? Уже? – удивленно распахивает глаза Диана. – Ну, вы приходите в другой раз.

– До свидания, – отрезает он, вталкивая меня в кабину. Я даже попрощаться не успела.

Когда двери лифта закрываются, он разжимает руку. Я, наконец, осмеливаюсь поднять взгляд.

– Что теперь? – спрашиваю тихо, мысленно прося у Бога помощи. Пожалуйста, пусть он скажет, что отпускает меня, и исчезнет в другом направлении. Только его ничего не выражающее лицо не оставляет шансов на спасение.

– Теперь мы поедem к тебе. Перекантуюсь несколько дней. Ты ведь не против?

– Что? – рухнувшая надежда эхом звенит в ушах. – Вы же говорили, что отпустите нас.

– Я и отпустил твою племянницу. Жить мне здесь негде. Подвалы и вокзалы не катят. – болотные глаза прожигают меня насквозь, считывая страх и растерянность. Как можно жить под одной крышей с преступником? Я ведь даже не знаю за что его ищут. Возможно за убийство или изнасилование. Может, он маньяк, и как только мы доедем до квартиры, схватит нож, привяжет меня и будет истязать? Руки начинают подрагивать, а в горле вырастает тяжелый ком. Мне нужно бежать. Прямо сейчас, иначе он не оставит меня в живых.

Выходим из лифта, спускаемся, я толкаю дверь и, воспользовавшись тем, что она жутко тяжелая и сразу подтягивается магнитом обратно, выскакиваю на улицу, игнорируя паническую пульсирующую боль в висках, и бегу прочь. Ищу глазами наше такси, но его нет на том месте, где водитель нас высадил. Господи, нет-нет-нет! По венам течет ускоряющаяся истерика, когда понимаю, что план быстро сесть в машину и уехать с треском рушится. Чувствую, как меня хватают за шиворот и резко останавливают, разворачивая. Замираюсь, готовая к чему угодно. Инстинктивно закрываю лицо руками, если вдруг ударит.

– Я сказал без выходов, дура ты, – рычит на ухо и дергает на себя. Я упираюсь ему в ладони и чувствую, как бешено бьется его сердце. Слышу со свистом вырывающееся дыхание и начинаю дрожать еще сильнее. – Аня, посмотри на меня, – приказывает, с силой еще раз дергая меня за шиворот футболки. Я боюсь даже пошевелиться, но его тон не дает возможности послушаться снова. Приоткрываю ладони и вскидываю голову. Потемневшие глаза прямо напротив. Челюсть сжата, желваки на скулах ходуном ходят, – Послушай меня внимательно и запомни, – цедит, не разжимая зубов, – Ты не интересуешь меня как женщина, мне не хочется тебя трахнуть или убить. Все то, что ты себе напридумывала – это бред. Ни секс, ни минет, ни другие виды удовольствия. Я не маньяк и меня не возбуждают игры в заложницу и преступника. БДСМ, абьюз. Ни черта из перечисленного меня не интересует. Меня ты вообще не трогаешь как баба. От тебя мне нужно только временное укрытие, усекла?

Я, кажется, даже не слышу, что он говорит. Меня пугает его жесткий захват. Его ледяной взгляд и хриплый голос, звучащий как будто из глубины Ада. Все в нем навеивает ужас.

Рядом вдруг сигналист автомобиль, и я инстинктивно оборачиваюсь. Наше такси. Горе водитель, вероятно, решил перепарковаться.

– Я спрашиваю, ты услышала меня? – мужская рука сильнее сгребает в кулак тонкую ткань футболки, и я снова с опаской перевожу взгляд на своего похитителя.

– Да.

– Я не причиню тебе вреда, Аня. Верь мне. Главное – будь послушной девочкой, чтобы мне не пришлось прикладывать силу и заставлять тебя молчать.

Я громко сглатываю и снова киваю, как болванчик, потому что на что-то другое сейчас просто не способна. Дима, наконец, выпускает меня и подталкивает к такси. Я забираюсь внутрь и утыкаюсь в окно. В ушах звенят его слова «Чтобы мне не пришлось прикладывать силу и заставлять тебя молчать». На глаза наворачиваются слезы. Как-то слабо верится в то, что он действительно не причинит мне вред. Нет. Он не просто причинит боль. Он растопчет и уничтожит. Высокий, крепкий, сильный, он не оставит шанса на побег. Я в его цепких лапах и понятия не имею как вырваться на волю. Сейчас не имею, а спустя несколько дней и не захочу.

Глава 2

Несколько дней назад

Дима

Мобильник издает сигнал о входящем сообщении, и я нехотя открываю глаза. Сколько я проспал? Провожу пальцем по экрану, разблокирую телефон. Два часа. Маловато. Проверяю на автомате запросы на адреса и понимаю, что мозг не соображает, даже какие названия улиц мелькают перед глазами. Нет, сначала надо окончательно проснуться. Отбрасываю гаджет на сиденье и разминаю шею. Твою мать, как ноют мышцы. Спать в машине мне давно не в новинку, особенно если таксовать приходится всю ночь, как это и было вчера. Привычка привычкой, а затекшие ноги и спина никогда не будут мне благодарны за адские мучения. Хорошо, хоть заехал в спокойный район, здесь потише. Пол-одиннадцатого уже. Опускаю стекло и прикуриваю сигарету. Летняя жара тут же врывается в салон, душа влажностью. Сейчас покурю, закинусь кофе в ближайшем кофейном ларьке, и можно будет ехать на вызов. Еще одна рабочая ночь и двое суток отдыха. Терпеть не могу эти пустые дни, но второй работы пока найти не удалось, чтобы хоть как-то заполнить это бессмысленное существование. За последнее время я к нему и привыкнуть успел. Хотя кого я обманываю? К одиночеству невозможно привыкнуть. Либо доходишь до грани сумасшествия, либо, стиснув зубы, прешь вперед в поисках смысла жизни. Я пока что подвис где-то на середине. Живу и живу. Влачу однообразное серое существование, а ведь мне только двадцать шесть, мать их. Порой бывает засасывает тягучая тряпина безысходности. Вот и меня она тащила вниз, крепко уцепившись за ноги.

А к черту, ничего делать не буду эти дни. Провалиюсь в постели. Или нет. Может Иннусик изъявит желание составить мне компанию, а может с пацанами по барам ударим. Открылся на прошлой неделе новый недалеко, говорят, пиво там варят отменное. Поживем, увидим. Пора ехать, сейчас как раз то время, когда народ вываливается из домов, чтобы пуститься в ночную жизнь клубов и ресторанов. Золотые часы, как я их называю. Их прозевать грех. Чаевые можно получить очень даже неплохие от особо щедрых клиентов. Да и отвозить желающую оторваться молодежь в клубы гораздо приятнее, чем забирать её же оттуда. Особенно девушек. Бывают, попадаются малолетки, которые потратили все выданные родителями карманные бабки на развлечения, а вместо оплаты предлагают свои услуги. Тошнота к горлу сразу подкатывает, стоит вспомнить последние случаи. Я стараюсь не соглашаться на вызовы из дешевых клубов. Уж лучше рестораны или элитные бары, которых в нашем небольшом городке раз-два и обчелся. Там в любом случае у клиентов есть наличка, и не приходится возвращаться с пустыми руками, прокатав через полгорода безденежный надратый в хлам народ.

Выбрасываю окурок в окно и уже собираюсь завести мотор, как вдруг через лобовое стекло замечаю странную возню на крыльце одного из домов. Старенький, обветшалый, один из нескольких в центральной части района, который портит весь вид городу, но выселить жильцов и мало-мальски привести в порядок эту местность властям не удастся. Не имеют права. Прищуриваюсь. На крыльце зажигается тусклый свет от чьего-то мобильного, но не заметить того, что я вижу, невозможно. Твою ж мать, лучше бы я спал дальше.

Иногда один крошечный случай может кардинально изменить жизнь. Не всегда в лучшую сторону. Этот день стал таковым для меня. Проснись я позже хотя бы на пять минут, не заметил бы того, как из одноэтажного дома двое амбалов выносят что-то крупных размеров, плотно укутанное в мешок. Проспи подольше, не обратил бы внимания на то, как из этого мешка свисает человеческая рука, по которой стекает кровь.

Цепенею. Буквально влипаю в сидение, бросив быстрый взгляд на работающий видеорегистратор и обратно на машину, припаркованную у того самого дома. Мешок запихивают в багажник, а спустя пару мгновений, из дома выходит еще один мужчина, которого, судя по

всему, дожидаются те двое. Швырнув на землю сигарету, он откатывает закатанные до этого рукава идеально белой рубашки, бегло осматривается по сторонам, заставив меня тут же съехать по сидению вниз. Сердце заработало в несколько раз быстрее, пока я пытаюсь быстро придумать, как выпутываться из дерьма, в которое могу влипнуть. КМС по дзюдо придает уверенности, но я все же реалист и соображаю, что у таких ребят и оружие в арсенале имеется. Сквозь нарастающий шум в ушах слышу, как заревел мотор, и автомобиль тронулся с места, постепенно удаляясь. Приподнимаю голову. Уехали. Выдыхаю, нервно проводя пальцами по волосам. Тянусь за очередной сигаретой. Организм требует снять напряжение, но останавливаюсь, так и не дотянувшись до пачки. Бросаю взгляд на дом, из которого пару минут назад вышла троица. Я часто дремал именно здесь, на этой улице. Причин было две. Первая – центр города, откуда удобно добираться в любой конец за приемлемое время, и вторая – несмотря на то, что район был центральным, здесь было спокойно. Ни тебе торговых центров с кучей народа, толпившейся у входов, ни массы машин, припаркованных в сотнях метров от развлекательного центра. Идеальное место, чтобы набраться сил перед несколькими часами непрерывного вождения. В этой хибаре по вечерам горел свет, и как я успел заметить, здесь жил довольно таки миролюбивый и одинокий старик. Во всяком случае, я ни разу не видел его в компании людей. Каждый вечер он выходил кормить собаку, которая сегодня, однако, была на удивление молчалива. Догадка уже давно сформировалась, но я никак не мог понять, а главное принять тот факт, что кому-то мог помешать пожилой человек.

Выхожу из машины и, осмотревшись по сторонам, иду к обветшалой калитке с облупившейся синей краской. Собака так и молчит. Я осторожно толкаю дверцу и прохожу во двор. Напряженно всматриваюсь в темноту. Фонарь над домом разбит. А вместо собаки багровое пятно рядом с будкой. Желудок сворачивается, вызывая приступ тошноты от осознания того, что, зайдя в дом, хозяина я не обнаружу. От дома веет могильной пустотой. Стало не по себе. Ледяной пот выступает вдоль позвоночника. Твою ж мать. Бедный старик. Кто мог так бесцеречно расправиться с пожилым человеком?

Разворачиваюсь и возвращаюсь в машину. Оставить это просто так я не смогу. Да и имея на руках регистратор, который безошибочно записал произошедшее, и жить дальше, удалив информацию, тоже не по моей части. У старика могут быть дети, близкие, которым захочется узнать, что случилось с их отцом, дедом или дядей.

Самое неверное решение в моей жизни, б****ь. Необдуманное и опрометчивое. Но разве же мы знаем, что принимаем неправильное решение, пока его не примем? Мы осознаем это уже потом, гораздо позже, когда плоды с дерева якобы правильного поступка начинают опадать, отбивая нам почки и заставляя харкать кровью от боли.

Не раздумывая ни минуты, завожу шевролет, который купил поддержанным специально для работы в такси, и отправляюсь в центральное отделение полиции. Вечер уже поздний, и меня долго не пускают, заставляя написать заявление, но, мать их, какое нахрен заявление?

– Мне нужно поговорить с капитаном! – рявкаю в очередной раз на дежурного так, что тот нервно подскакивает со стула.

– Я тебя сейчас в обезьянник посажу, придурок, – вопит молоденький парниша, хватаясь за пистолет. Нашел чем пугать. – Пошел вон отсюда!

– Значит так, либо ты вызываешь мне капитана, либо я разнесу к чертовой матери все ваше отделение, а потом приведу сюда репортеров и детально расскажу, как вы «старательно» выполняете свою работу!

– Это кто у нас здесь такой борзый? – слышится голос из одного из кабинетов, а после оттуда выкатывается среднего роста мужчина, совсем неспортивной комплекции. Чешет седые виски и сканирует меня ленивым взглядом. Похоже, я его разбудил.

– Товарищ капитан, – тараторит дежурный, но тот поднимает руку, прерывая поток слов.

– Я слышал все, – потом нехотя обращается ко мне. – Что у тебя там за срочное дело такое? Тачку угнали? Квартиру обокрали? – мужчина зевает, прикрывая рот тыльной стороной ладони.

– С этим я бы и сам разобрался.

– Вот как. А с чем же ты такой умный разобраться не можешь?

– С убийством.

Думал, это слово произведет больший эффект.

– И где ж ты убийство нашел? По пьяни друзья твои кулаками мерялись? Так заливаться меньше надо.

– Это не мои друзья, – я прохожу вперед по коридору, игнорируя недовольный взгляд капитана. – И у меня есть доказательство. Я совсем случайно оказался на улице Нахимова, где всего полчаса назад из одного из домов вынесли труп человека.

Капитан заметно напрягается. Прищуривается, блуждая заинтересованно по моему лицу. Выпрямляется и машет в сторону дежурного.

– Все нормально, Серегин. Я разберусь. Работай.

– Так точно, товарищ капитан, – слышится сзади.

– Ну, заходи, расскажешь, что ты там видел и какие доказательства у тебя есть, – впустив меня внутрь, командующий занимает свое место за столом и очень внимательно выслушивает всю историю. Мне даже кажется, слишком внимательно.

– Я понял тебя. А почему ты думаешь, что там был именно человек, а не та самая собака? Может, хозяин решил избавиться от псины?

– Я в состоянии отличить человеческую руку от лапы собаки.

Капитан кивает, но взгляд его остается далеким, будто он что-то усердно обдумывает. Протягивает мне ручку и листок бумаги.

– Пиши.

– Заявление?

– Да.

– А потом оно затеряется среди других?

– Не затеряется. Убийство – это не кража. Их мы расследуем в первую очередь, – ну да, как же. А то я не в курсе как расследуются дела в нашей стране.

Но заявление все же пишу. Лишним не будет. Капитан бегло пробегаются глазами по листку, нервно тарабани пальцами по столу.

– Так, ты пишешь про доказательство. Где оно? – бросает на меня вопросительный взгляд, – Мне нужно приложить его к делу.

– В машине.

– Неси, а потом будешь свободен. Мы вызовем тебя как свидетеля, когда потребуется.

Я киваю и выхожу из кабинета. Прохожу несколько шагов и вспоминаю, что забыл рабочий мобильник на столе. Вынул его из кармана, чтобы не мешал писать. Начнут сейчас из офиса наяривать, искать. Я же на заявки уже час не отвечаю. Разворачиваюсь, иду обратно, но взявшись за дверную ручку, застываю, слыша возбужденный голос капитана.

– Да. Он как раз был возле дома старика, – прикиваю ухом к двери, задержав дыхание, – Таксист один. Говорит, ночевал там. Что ж Вы так неосмотрительно, Валерий Петрович? Решу, конечно, не пускать же дело в ход. Посажу на несколько суток, а потом дело на него повесим. Нам проще даже. Не будет висеть глухарем. А с ним так поработаем, что он не только это дело на себя возьмет, но и пару других. Мы уговаривать умеем.

Твою ж мать, вот это я влип. Внутренности узлом стягивает. Свидетелем какого такого дела я сегодня стал? Провожу нервно пальцами по волосам и, опомнившись, что пора сваливать, быстро разворачиваюсь и направляюсь к выходу. Если через пять минут не появлюсь с флешкой из регистратора, капитан начнет бить тревогу. А у него мой рабочий телефон, значит,

стоит позвонить в офис, представиться представителем правоохранительных органов, как ему тут же выложат мой адрес, полное имя и всю имеющуюся на меня информацию.

Бывают такие минуты, когда плохо соображаешь, что делаешь. Просто на автомате выполняешь определенные действия, ведомый конкретной целью. И в приоритете сейчас было убраться отсюда подальше. В моем арсенале нет ни хороших знакомых, готовых прикрыть задницу, ни внушительной суммы денег, с помощью которых можно было бы легко решить вопрос. А обычный народ чаще всего смешивают с дерьмом. Мы – разменная монета между более сильными и влиятельными мира сего, поэтому проще повесить дело на парня, у которого ни гроша за душой, чем копать дальше.

Не помню, как добираться до автомобиля. Что делают в таких ситуациях? Идут в полицию? Сходил уже, спасибо, б***ь. Помогли. И Денис, как назло, не отвечает уже второй час. Он же как раз в этом отделении работает, и, кажется, сегодня его смена. Думал, его застану, а хрен там. На вызове, скорее всего. Надо успокоиться. Паника еще никому не помогала. Что мне нужно в первую очередь? Документы и деньги.

Окаменевшими пальцами завожу мотор и срываюсь с места, каждую минуту бросая взгляд в зеркало дальнего вида. Воображение, подпитываемое страхом за свою собственную жизнь, подкидывает изображения, что за мной обязательно должны приставить хвост. Но нет. Следом никто не едет. По вискам катится ледяной пот. Мышцы напряглись так, что машину швыряет из стороны в сторону на каждом повороте, потому что руки отказываются слушаться.

Влетаю в квартиру, хватаю небольшой серый рюкзак, который обычно беру с собой на вылазки с друзьями за город, бросаю в него документы, наличку и вытаскиваю из нижнего ящика письменного стола пистолет. Несколько лет назад, еще учась в универе, приобрел его себе нелегально через знакомых. Хотелось попантоваться перед Маринкой, девушкой на тот момент. Они любят парней с оружием, по тупости думал я. Тогда он мне не пригодился, кроме как пострелять по бутылкам на даче одноклассников. Зато сейчас, кажется, пришло время использовать оружие по назначению. Правда, пули там всего три, но само его присутствие рядом хотя бы малость придает сил. Отправляю следом за деньгами. Вываливаю из шкафа белье, выбираю пару боксеров, футболку и спортивные бриджи. Мобильный начинает трещать. Вытаскиваю гаджет из кармана джинсов. Начальник. Вряд ли хочет поинтересоваться делами. Скорее всего, уже в курсе, и менты скоро будут здесь. Обвожу взглядом родительскую квартиру, лихорадочно пытаюсь вспомнить что может еще пригодиться, но так ничего и не придумав, спешно покидаю квартиру. Перескакивая через ступеньки, спускаюсь вниз. Выхожу из подъезда и, услышав вдалеке полицейские сирены, бегом направляюсь к гаражам. Сердце грохочет, как отбойный молоток. Даже дышится с трудом, будто удавку на шею набросили и затягивают издали, лишая кислорода. Кажется, я говорил, что в моей жизни не хватает толчка, чтобы что-то изменить? Получи, распишись. Такой толчок с ноги, что теперь остается один вопрос – выдержу ли я этот выпад? Устою на ногах, или все же судьба для меня приготовила особый подарок в виде эпической кончины за решеткой?

Уже час как бреду вперед, накинув на голову капюшон толстовки, прислушиваясь ко всем сигналам города и выискивая взглядом мигалки, оборачиваясь на каждый проезжающий мимо автомобиль. Не знаю, как буду выбираться из этого дерьма, но посадить себя не дам. Уж лучше сдохнуть, чем провести остаток дней в тюрьме. Мне оттуда выход заказан. Надо бороться. До последнего вдоха. Понадобится, собственноручно буду землю копать, если дороги окажутся перекрыты, и начну ползти под землей. Питаться червями и ящерицами, но повесить на себя убийство не позволю. Я слишком мало еще повидал жизни, чтобы меня лишили ее просто за то, что я оказался законопослушным гражданином.

В кармане звонит мобильный, и я быстро вытаскиваю его. Незнакомый номер. Сомневаюсь несколько секунд, но все же принимаю вызов, сворачивая в один из дворов.

– Да?

– Макаров, ты какого хрена натворил? – облегченно выдыхаю, узнав голос друга. Дэн.

– Долго рассказывать. Ты откуда звонишь?

– Из автомата. Я, б***ь, в шоке. Приезжаю с вызова, а на тебя во всю ориентировки печатаются. Уже через пару часов твоя физиономия будет на всех столбах. Еще раз спрашиваю, куда ты вляпался, Димыч?

– Я в таком дерьме, ты себе не представляешь, – выдыхаю, опираясь на угол кирпичного жилого дома, и дрожащей рукой подкуриваю сигарету.

– Могу додумать. Весь участок на голове стоит. Тебя велено искать с собаками. Скажи мне хотя бы, ты причастен к чему-то?

– Нет, – выпускаю горький дым, – Просто оказался не в то время не в том месте. Я тебе клянусь, что ничего не сделал. Ты же меня знаешь, как никто.

Денис шумно выдыхает. Этот парень мне как брат. Мы дружим еще со школьной скамьи. Ходили в один спортивный кружок. Тусовались в одной компании. Никогда не делили девчонки и всегда находили компромисс. Он поверит мне, я знаю. И если надо будет, подставит себя за меня, ровно, как и я себя за него. Это – не друг. Это соратник, брат и родня. Таких многие годами ищут и найти не могут.

– Значит, слушай сюда, – уверенно говорит Дэн, – Выкидываешь мобильный, предварительно поломав симку. Телефон тоже желательно расколоти. Снимаешь наличку с карточки и дуешь из города. Не знаю на сколько и куда, и лучше мне не говори. Ни с кем не связывайся. Позвонишь через четыре дня на домашний, и будем решать, что делать дальше.

– А если добраться до столицы и пойти в органы там?

– Не смей. Я не знаю, что за канитель тут закрутилась и на ком конкретно она завязана. Понятия не имею, в каких отношениях капитан с руководством. Можно быть обычным подчиненным, а можно жрать из одного кармана. Ты меня понял?

– Понял, – выдавливаю сквозь зубы, обреченно кивнув головой, будто он мог меня видеть.

– Давай, брат. Береги себя и жду звонка.

– Спасибо.

Скидываю вызов и делаю все, как велел Денис. Хреначу телефон об асфальт, предварительно сломав карту, снимаю деньги и отправляюсь на вокзал. Ходить вокруг него приходится до самого утра. Полиции понаехало, как мух на сами знаете что. Дэн оказался прав. Моя физиономия и правда спустя всего несколько часов украшает каждую доску объявлений. Только ленивый не останавливался, чтобы прочитать написанное жирным шрифтом:

«Внимание, розыск!

Следствие просит оказать содействие в распространении информации об особо опасном преступнике.

Макаров Дмитрий Алексеевич. 12.05. 1991 года рождения.

Проживает по адресу: xxx

Приметы: рост 182 см, возраст 26 лет. Лицо овальное, нос прямой, крупный, глаза зеленые, на лице короткая борода и усы, ушные раковины прилегающие, волосы темные.

Особые приметы: небольшой шрам на лбу, и на правой щеке.

Был одет: черные джинсы, красная футболка, старые кроссовки.

Полиция просит всех, кому что-либо известно о местонахождении разыскиваемого, сообщать по телефонам:

806.....

806....

Или по телефону 102.»

Глава 3

Дима

Видит Бог, я не хотел угрожать девчонке, которая сейчас была похожа на перепуганного зайца, попавшегося в капкан. Сидит, сбившись в клубок, пальцы сцепила, губы искусаны. Для нее я опасный преступник, с особой тщательностью разыскиваемый полицией. Моральный урод, убийца, насильник, черт его знает, что там нарисовало ее богатое, подпитываемое страхом воображение. Огромные серо-голубые глаза смотрели на меня с нескрываемой ненавистью и ужасом. От осознания, что я вызываю подобные эмоции, внутри все выворачивало. Выхода другого не было только. Почему выбрал именно ее с малявкой? Да просто из всех присутствующих именно они показались самым легким вариантом. Тогда я подумал, что они сестры. Четкого плана и вовсе не было. Бежать дальше из города не иначе как на этом поезде единственный вариант. Электрички первым делом шмонают обычно. В плацкартном хрен затеяешься. А здесь билеты проверяют только один раз, считав штрихкод, и больше даже не подходят, будто и нет тебя вовсе. Я вскочил в вагон прямо перед отправкой, благо стоит он всего две минуты на станции. Копов с собаками полный вокзал, уроды. Ощущение, будто все отделения города сюда подогнали. Даже Дэна видел. И он меня заметил. Едва кивнул головой и отвернулся, уводя напарников в другую сторону. Времени размышлять не оставалось. Вскочил в вагон, подождал, пока проводник пройдет по пассажирам, которые только заняли свои места, а потом подошел к ним. Этих двух я заметил еще на перроне. Обе такие улыбчивые, светлые, как солнечные лучи на сером пыльном вокзале. Аня эта все за руку держала девочку, рассказывала ей что-то и смеялась тихо. Я уже тогда понял, что именно к ним подсяду. Едут без мужика, сумок тьма, да и по возрасту и телосложению старшая сразу не внушала опасения, что начнет бороться. Одуванчик, ей Богу. Видно было, что ради мелкой на все пойдет. Так и случилось. Удивила только, когда решила бежать. Я от ее неожиданной выходки даже замешкался секунду. Дверь почти захлопнуться успела. Волна негодования поднялась на нее и на себя за то, что расслабился и дал ей сделать это необдуманное действие. Догнал в пару шагов, схватил, а потом увидел, как она от меня руками закрывается, и сам чуть не блеванул от собственного положения. Твою же мать, это когда такое было, чтобы девчонку так трусило от страха при виде меня? Я сроду на баб руку не поднимал. Голос – да, бывало, мог наорать, если бывшая жена тратила деньги на шмотки за сто баксов, когда я копейки собирал, чтобы за квартиру заплатить и не зависеть от ее богатенького папаши. Когда шампанское в ресторане заказывала с икрой черной, а я Цезарем давился, лишь бы не заставлять Игоря Михалыча за себя платить. Да, тогда мог прикрикнуть. Но чтобы ударить! Ни разу, как бы ни бесился. А эта смотрит на меня своими загнанными глазами, в которых слезы стоят, и я в их отражении как палач, занесший над головой наточенный до блеска меч. Рассказать бы ей, да не поверит. Послушает, головой покивает, а если отвернусь, тут же сдаст и облегченно выдохнет, как только меня из квартиры в наручниках выведут. И я не виню ее. Такова природа человека. Каждый доверяет только себе и своим близким. Кто я ей? Устрашающая рожа с ориентировки. Бандит, взявший в заложники ребенка. Ничего бы я не сделал этой Кате. Да и будь реальная угроза ее жизни, сдался бы сам, только она в это никогда не поверит. Порой страхи намного сильнее нас, а то, что рисуется в воображении гораздо страшнее реальности. Просто поверить в это сложно без доказательств. Показать ей флешку? Только подвергнуть опасности. Меньше знает, здоровее будет. Я все еще не в курсе, кого видел той ночью, и кто ведет на меня охоту. Поэтому намного проще и мне, и Ане этой просто три дня посидеть взаперти. Потом я свяжусь с Дэном, и мы решим, что делать дальше, а она уже сможет с чистой совестью позвонить в полицию и подробно выложить все, что знает.

Таксист тормознул возле хрущевки в спальном районе столицы. Аня, бросив на меня очередной затравленный взгляд, расплывается.

– Выходи, – киваю ей на дверь. – Снова бежать не вздумай.

Не отвечает. Молча выходит. Я следом, чтобы не додумалась водителю ничего ляпнуть. Она, кажется, именно на это и рассчитывала, потому что, встретившись с моим взглядом, ступевалась. Зараза упрямая. Вскидывает на плечо сумку, которая по виду килограмм десять не меньше. В руки берет пакеты и, прикусив губу, идет к подъезду. Водитель удостаивает меня недоуменным взглядом, но разумно помалкивает. Садится в машину и укатывает восвояси. Я возвращаю глаза на Аню, которая тащит на себе довольно тяжелую ношу. Спина сгорбилась, пальцы побелели. Подхожу сзади и замечаю, как она вздрагивает. Забираю из ее рук пакеты, реально оказывающиеся тяжелыми. Она строит что ли ограблена? По весу кирпичей десять. Оборачивается удивленно, но тут же взгляд отводит, заметив, что смотрю на нее. Входит в подъезд, поднимается на второй этаж и открывает старенькую дверь, покрытую обшарпанной кожей.

Ида, девочка не царствует. Маленький коридор с круглым зеркалом на стене, окрашенная белой краской дверь в совмещенную ванную комнату с туалетом, как можно догадаться. Пожелтевшие обои в единственной комнате. Серо и старо, квартира явно не её. Снимает, скорее всего. Сомнительно, чтобы молодая девчонка хранила вещи в допотопном шкафу с покосившейся дверцей, которая вот-вот обвалится. Но чисто. Нигде ничего лишнего. На стульях не валяются предметы одежды, на тумбочке книга и маленький светильник. Диван идеально застелен. Пока я осматривался, не заметил, что Аня рядом не оказалось. Шагнул в коридор и увидел ее на кухне, достающей из сумок банки с консервацией. Огурцы, помидоры, перец и что-то еще, чего невозможно разглядеть. Выдыхаю и скидываю рюкзак на пол. Падаю на диван, тут же жалобно скрипнувший под весом моего тела, и тру лицо ладонями. Вот же издевка жизни. Еще вчера жаловался на монотонность серых будней, а сегодня беру заложников. Охренеть. Кому-то там наверху явно захотелось поиздеваться и посмотреть спектакль с моим непосредственным участием в главной роли. Откидываюсь на спинку и прикрываю от усталости глаза. Внутри не отпускает чувство тревоги и опаски. Я все время чего-то жду. Жду, что сейчас в квартиру вломятся, что там, в городе, уже, скорее всего, и к Светке наведывались, придумав красочную историю о бывшем муже, посягнувшем на жизнь старика. Ее отец вероятно теперь еще сильнее радуется, что любимая дочь «одумалась» и развелась с «непутевым лодырем». Это я-то лодырь. Да похрен на них. Сейчас главное переждать и не спалиться. А еще не потерять из вида этого светловолосого зайца, который явно не так прост, как кажется. Жизнь пока еще продолжается, и ставить на себе крест рано. Лежать пластом и жаловаться на подножку судьбы последнее, что можно сделать в моей ситуации. Встаю и открываю окно на древний балкон. Курить охота до чертей. Достаю из кармана пачку с последней сигаретой и подкуриваю ее. Замечаю на небольшом лакированном комоде фотографии, с запечатленной моей заложницей. На них она счастливо улыбается рядом с той же самой Катей и ее матерью. Беру рамку в руку и подношу к лицу. Аня так не похожа на себя. Точнее на ту себя, которую вижу я. Красивая улыбка, живая, настоящая. Счастливое светящееся изнутри лицо. Возвращаю фото на место и скидываю толстовку на диван. Желудок спазмирует от голода. Я не ел со вчерашнего вечера. Только сейчас понимаю, что голодный как волк. Выкидываю окурки с балкона, иду на кухню, где бледная хозяйка как раз закончила опустошать сумку. Пакеты остались неразобранными. Девчонка, завидев меня, сначала отходит в сторону, пропуская в крошечную кухню, а потом и вовсе торопится ретироваться. Оцениваю взглядом выставленные банки, беру одну в руку и кручу. Перец. Для перекуса, конечно, подойдет, но одной консервацией сыт не будешь. Только изжогу заработаю. Заглядываю в холодильник и офигеваю. Абсолютно пустой. Захлопываю дверцу и проверяю на наличие продуктов шкафчики. Та же картина.

– В этом доме есть продукты вообще? – спрашиваю, скорее не ожидая услышать ответ, но из комнаты доносится слабое объяснение.

– Меня не было неделю. Все продукты увезла с собой, чтобы не пропали, поэтому все, что есть, Вы можете увидеть на столе.

Значит, мы снова на Вы. В лифте она забыла об этом, а сейчас опять вспомнила. Так даже лучше. Пусть боится.

Обвожу скептическим взглядом банки и решаю, что все равно выхода нет, нахожу в одном из ящиков ключ и открываю консервированные огурцы. Иду в ванну, мою руки, а когда выхожу, невольно торможу. Аня стоит в зале, спиной ко мне, и поспешно снимает с себя футболку. Русые волосы каскадом опадают на стройные плечи. Лопатки острые, каждое колечко позвоночника отчетливо видно. Нет, она не стройная. Худющая такая, будто не ест вовсе. Девушка словно почувствовала мой взгляд. Резко оборачивается и тут же охнув прикрывается той же самой футболкой, которую только что сняла. Лямка белого лифчика съезжает с правого плеча. И снова этот взгляд, полный ужаса и страха. Затряслась, словно шакала увидела. Быстро лямку на место возвращает и крепко футболку сжимает, будто ждет, что я сейчас наброшусь. А я хочу наброситься? Понимаю, что да, не прочь бы. Девочка оказывается сексуальна, хоть и тощая через меру, но кожа гладкая и грудь, кажется, имеется. С этого ракурса толком не рассмотреть. Останавливает только взгляд полный немой истерики, напоминая о том, что я моральный урод, а она ни в чем не виноватая жертва. Прокашливаюсь и окатываю ее намеренно безразличным взглядом.

– У тебя хотя бы гречка есть?

Моргает пару раз, судя по всему, не веря в свое счастье не быть изнасилованной в данный момент.

– Гречка?

– Крупа такая. Гречневая. Её едят обычно. Только предварительно варят, – саркастически усмехаюсь, – Слышала о такой?

Пухлые губы сжимаются в тонкую линию.

– Гречки нет, – отвечает тихо, не отрывая настороженного взгляда от моего лица.

– Рис?

Отрицательно качает головой.

– Пшеница? Горох? Макароны, в конце концов.

– Ничего нет.

– Ты поэтому худая такая? Не ешь ни хрена? – вскидываю бровь, приходя к единственному возможному умозаключению.

– Ем. Просто питаюсь в университете и по пути домой. Покупаю обычно одну крупу и каждый вечер варю себе. Сосиски и яйца тоже, – оправдывается, потупив взгляд. – Просто увезла и все увезла с собой. А сегодня ничего не покупала, – и взглядом добавляет «Из-за тебя, козел», но предусмотрительно молчит о своем мысленном замечании. – Вы не могли бы выйти, мне нужно одеться? – набирается, наконец, смелости. Я равнодушно отворачиваюсь, подтверждая свое обещание не трогать ее, и возвращаюсь на кухню. С одной стороны, даже хорошо, что она меня боится, тише будет. Трогать девчонку я действительно не намерен, хотя при других обстоятельствах, возможно, не отказался бы. Красивая зараза и сексуальная. В поезде и потом из-за напряжения толком не рассмотрел, но сейчас с уверенностью могу сказать, что девочка, скорее всего, пользуется огромной популярностью у противоположного пола.

Закидываю в рот по очереди три огурца и морщусь от кислоты, неприятно охватывающей пищевод. Этим хрен наешься. Нужно идти покупать что-то более съедобное и калорийное. Только как это сделать? С ней что ли в супермаркет тащиться? Здесь, конечно, я вряд ли уже в розыске, можно передвигаться более-менее спокойно, только вот что делать с девчонкой? Где гарантия, что она не выкинет какой-нибудь номер посреди магазина?

– Эй, Аня, ты живая там? – зову из кухни, отодвигая банку с огурцами подальше.

– Да, – девушка показалась в проеме в более широкой футболке и джинсах. Судя по всему, решила от меня таким образом спрятаться, чтобы лишний раз не давать повода для оценивания аппетитных форм.

– Дай свой паспорт.

Серо-голубые глаза непонимающе распахиваются.

– Что?

– Ты с первого раза плохо понимаешь, как я погляжу. Нужно каждый раз повторять. Паспорт свой давай и код ИНН, – шагаю навстречу, нависая над ошарашенной девчонкой. Она мгновенно отшатывается, вжимаясь в дверной косяк.

– Зачем?

– Продавать тебя буду в публичный дом, – еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться оттого, как по её лицу пробегает тень, а глаза в панике расширяются. – Да расслабься ты. Сдалась ты мне больно. В магазин пойдем.

– В магазин?

– Угу. Место, где продукты продают. Я жрать хочу нормальную еду.

– А паспорт мой зачем?

– Чтобы не вздумала опять что-то выкинуть. Ты же не хочешь, чтобы в случае чего на тебя вдруг оформили несколько кредитов?

В глазах напротив постепенно приходит осмысление. Медленно отталкивается от косяка, идет в комнату, достает из сумки паспорт и без особого желания вручает мне.

– Умница. Придем, верну.

Молчит, наблюдая за тем, как я накидываю толстовку. В ней адски жарко, от меня разит, наверное, за километр, но лучше перестраховаться. Да и пистолет под ней спрятать легче. Накидываю капюшон, рюкзак на одно плечо, в него кладу ее паспорт и обуваясь. Аня достает из обувного ящика шлепки и засовывает в них ноги. Маленькие ножки, надо сказать, размер тридцать шестой не больше.

– Только у меня денег мало, – говорит вдруг, закрывая дверь. – На гречку хватит, хлеб, яиц десяток, может пару сосисок.

– Нам хватит, – отрезаю я, пока мы спускаемся вниз. На улице убийственная жара. Кажется, даже металл на машинах вот-вот расплавится. Давно не было такого знойного лета. Последний раз лет шесть назад примерно.

Молча пересекаем улицу и движемся вдоль оживленной дороги. Да, столица – это тебе не мой родной город. Он, конечно, тоже миллионник, но жизнь там гораздо спокойнее. Даже в атмосфере это ощущается и энергии царившей вокруг. Здесь в обеденное время на улицах толпится народ, разбегаясь в разные стороны, спеша кто куда. Машины летают, как озверевшие. Энергетика бешеная.

– Далеко мы идем? – хмуро интересуюсь, не забывая поглядывать по сторонам. Вдруг чертовка решит завести меня туда, где копам легко будет сдать. За ней не заржавеет. Она же город лучше знает. Я за всю жизнь бывал здесь пару раз всего, и то проездом считай.

– Вон супермаркет, – указывает изящным пальчиком без маникюра на небольшой магазин известной торговой сети, – Я там обычно покупаю продукты. – а потом как бы снова оправдывается. – Там дешевле.

Мы заходим в здание, где гораздо прохладнее и можно глотнуть воздуха, остуженного кондиционером, дабы не дать легким засохнуть. Показываю ей пальцем на тележку, и Аня без лишних вопросов берет одну и катит перед собой.

– Раз уж нам придется вместе жить, и Вы обещали не проявлять ко мне интереса, то давайте хотя бы очертим границы, – набирается храбрости мой трусливый заяц. Видимо, при-

существование других людей придавало ей сил. Я хмыкаю, наблюдая, как она берет с полки хлеб с отрубями и кладет в тележку.

– Какие такие границы? – спрашиваю над ее ухом, очередной раз замечая, как она вздрагивает. Достая выбранный ею батон, кладу его на место и беру нормальную буханку белого. Блондинка сжимает губы, но не смеет противостоять.

– Не смотрите больше на меня, когда я раздеваюсь. В ванну я тоже, надеюсь, ходить смогу без вашего надзора.

– Я пока не решил на счет этого, – игнорирую растерянный взгляд и тянусь за куском ветчины. Сыр, кетчуп туда же.

– Что значит не решили? Вы же...

– Вперед иди, – киваю ей, подталкивая по проходу. – Откуда я знаю, может ты азбукой Морзе через стену будешь передавать соседке информацию? – на полном серьезе предоставляю аргумент в свою пользу.

– Вы серьезно? Я не знаю этой азбуки.

– Может, не знаешь, а может и знаешь. Откуда мне быть уверенным?

Кажется, ее полностью охватывает паника уже в который раз за сегодня, потому что она начинает лихорадочно оборачиваться по сторонам, а глаза бегают по всему магазину, ища спасения. Вот черт.

– Аня, – обхватываю ее лицо за скулы и поворачиваю на себя. – Дыши! Я уже сказал, что ты мне неинтересна. Не надо смотреть на меня такими затравленными глазами, будто я только и жду, чтобы трахнуть тебя, – чувствую, как под пальцами напрягается ее подбородок, и она судорожно сглатывает. Моргает несколько раз.

– Уберите, пожалуйста, руку.

Прищуриваюсь, но просьбу выполняю. А то еще заорет здесь от такого невинного жеста.

– Убрал. Легче?

– Да, спасибо, – шепчет еле слышно, отворачиваясь.

Следующие свои «рамки» девчонка предпочитает не озвучивать. Берет обещанные яйца, дешевые сосиски, которыми я и сам питаюсь последнее время, кстати, те же самые, с сыром, бутылку кефира, гречку, маленький батончик черного шоколада и собирается двигаться в сторону касс.

– Стой, – останавливаю ее, хватаясь за край тележки и выкручивая ее в сторону отдела с овощами. – Я не собираюсь ходить по магазинам каждый день. Набери помидор и огурцов.

А сам подхожу к ящикам с картошкой. Выбираю более-менее нормальную и отправляю к остальным продуктам.

– Боюсь, у меня не хватит на все денег, – карие глаза осматривают набранное и в нерешительности поднимаются на меня. – Нужно что-то выложить.

– С чего ты решила, что платить будешь ты? – задаю резонный вопрос, ещё раз подтолкнув ее к кассам. Благо, очередей нет. Хоть тут везет.

Аня выкладывает продукты и просит два пакета, пока я стою в стороне. Разделяет по весу купленное, а потом я, попросив еще пачку сигарет, расплачиваюсь. Беру пакет, что потяжелее, ей оставляя более легкий, и жду, когда она заберет его и пойдет к выходу. Проходя мимо, девчонка как-то странно смотрит на меня. Пристально так, будто обдумывает что-то. И какие мысли, интересно, посещают эту симпатичную голову? Опять придумывает грандиозный план побега? Черт, если так пойдет и дальше, придется искать другое убежище. Запугать её – еще ладно. Пару раз пригрозить, описать, что бы мог с ней такой маленькой сделать, но реально ведь обидеть девчонку у меня рука не поднимется. Будь я действительно преступником, коим меня красочно описывают, наверное, уже бы воспользовался её вкусным тельцем. Да так бы, что и не подумала рыпаться больше. К батарее бы привязал, рот на скотч заклеил, чтоб не орала, и сам в магазин смотался. Так было бы правильнее. Для кого-нибудь другого, возможно, но не

для меня. Быть ублюдком формальным – это одно. А становиться тварью реальной – совсем другое.

Дорога домой проходит в гнетущем молчании. Аня то и дело на меня поглядывает, а я курю, прокручиваю в мыслях дальнейшее развитие событий. Их не так уж и много. И почти каждое заканчивается для меня хреново. Не маленький и давно в сказки не верю. Но в любом случае буду стараться продержаться дольше, чего бы мне это не стоило.

Дома хозяйка выкладывает продукты в холодильник и, аккуратно сложив кульки, кладет их под сиденье уголка. Моет руки с мылом, вытирает их полотенцем и тщательно развешивает его на батарее. Кажется, в этом доме у кое-кого явный культ чистоты. Тогда ей не повезло. Потому что я и чистота понятия не то что противоположные, они вообще еще в детстве разошлись и никогда не встречались. Разворачиваюсь и иду в зал. Принять душ бы не мешало, но заяц задала очень хороший вопрос по поводу того, как теперь с ней быть. Вариант с батареей уже не кажется такой плохой идеей.

– Гречка с сосисками и яичницей подойдет? – Аня заглядывает в зал, как раз, когда я успел снять с себя толстовку и бросить на диван, перед этим вынув пистолет и положив его на комод около двери. Идиот. Расслабился на пару минут, называется. Взгляд девчонки падает на оружие, и в какую-то долю секунды я вижу, как на светлокожем лице мелькает калейдоскоп эмоций. Я уже понимаю, что она хочет сделать, но не успеваю вовремя отреагировать, и тонкая женская рука хватается за оружие и умело снимает его с предохранителя. Вот этого я никак не ожидал. Маленькая ладонь крепко сжимает рукоятку пистолета, направив его прямо на меня.

– Убирайся! – голос звучит не совсем уверенно, но уже и не так тихо, как еще двадцать минут назад. В глазах засверкали искры, которые до сей поры были тщательно спрятаны за пеленой страха. Только что-то мне подсказывает, что этот одуванчик только волею смелой волчицы, а на деле остается все тем же трусишкой зайцем. Не выстрелит она, храбрости не хватит. Слишком юна еще, чиста, чтобы собственноручно лишить жизни другого, пусть и бандита. Есть такой тип людей, который никогда, ни при каких обстоятельствах не смогут причинить вред другим. Сдается мне, что она относится именно к таким.

Прищуриваюсь и делаю шаг вперед, намеренно проверяя ее. Боюсь ли я? Скорее нет, чем да. Просто уверенность в собственной правоте сильнее.

– Мне некуда идти, – отвечаю, гипнотизируя ее взглядом. Аня тяжело дышит, и я замечаю, как по виску скатывается одинокая капля пота. Нервничает девочка. Гордо вскидывает подбородок и обхватывает пистолет теперь уже двумя руками.

– Не приближайся! – угрожающе цедит сквозь зубы. – Я очень хорошо стреляю.

– Да? Где же учат стрелять маленьких девочек? – склоняю голову на бок, делая еще один шаг навстречу. Отставляю ногу назад и предупредительно указывает пистолетом не двигаться.

– Ты очень ошибаешься, считая меня такой уж бесхребетной овечкой. Ты не имел никакого права брать меня в заложницы. У тебя проблемы, ты их и решай. Нельзя просто так взять, влезть в чужую жизнь и сказать – «Я поживу у тебя пару дней». Здесь не гостиница. А я не служанка, чтобы обхаживать твою разыскиваемую персону, а потом еще сесть за соучастие и покрывательство. Поэтому отдай мне мои документы и убирайся.

Ничего себе. А девочка и правда не бесхребетная. Находясь на расстоянии вытянутой руки с мужиком, который явно в несколько раз превосходит ее в силе, вот так выплеснуть все накопившееся, нужно действительно быть смелой. Или дурой. Полностью игнорирую ее угрозы, приближаюсь вплотную так, что дуло пистолета утыкается мне в грудь. Аня сжимает челюсть.

– Ты не слышишь меня? Я выстрелю!

– Давай!

– Последний раз предупреждаю!

– Ну, вперед!

Спустя секунду осознаю, как сильно ошибся в девчонке и как слепо доверился своей интуиции, потому что вижу, как она замуривается и напрягается всем телом, что означает, что она, мать ее, реально готовится выстрелить. Сердце с***а срывается в желудок. Резко отклоняюсь, отталкиваю ее руку и слышу оглушительный выстрел. В ушах мгновенно гложет, а потом начинает гудеть, но я больше не оставляю ей возможности убить себя. Хватаю за запястье, выкручиваю, заставляя выронить пистолет, и завожу ей руку за спину. Пульс грохочет в ушах, зашкаливающий от непредвиденной ситуации. Давление хреначит на максимуме.

– Ты совсем рехнулась, дура? – рычу в ошарашенное лицо. По всей видимости, в её план не входило то, что я останусь в живых. Хватаю с пола пистолет, и, продолжая удерживать её одной рукой, нацеливаю ей дуло в лоб. – Поиграть в смелую решила? – в глазах чистая ненависть вперемешку с растерянностью и неизбежностью. Крепко придавливаю собой к стене и вжимаю пистолет в лоб. – Я всего лишь попросил несколько дней. Гребаных несколько дней занять твою квартиру, даже не трогать тебя, но нет, мать твою, ты никак не успокоишься! Может тебя все-таки грохнуть, раз ты не понимаешь по-хорошему? – ору, понимая, что меня несет. Что ярость черной птицей взвилась к горлу на то, что чуть не сдох от руки какой-то малолетки, но остановить набирающий скорость гнев невозможно.

Она же молчит. Теперь она молчит, идиотка. С пистолетом – то в руках была поразговорчивее.

– Или нет. Грохнуть слишком скучно. Давай – ка ты мне сначала сделаешь минет, а потом если мне понравится, я решу, что делать с тобой дальше.

Глава 4

Дима

– Ни за что! Лучше убей, – вскидывает голову и пронзает взглядом, в котором я впервые за несколько часов вижу вызов.

– Ты выберешь пулю в лоб вместо минета? – не верю я.

– Да, – твердо отвечает заяц.

– Еще два часа назад ты готова была выполнить любые мои требования, что изменилось? – я понимаю, что все еще удерживаю её силой, что если нажму на курок, то мозги девчонки придется отскребать от стены, но что-то изменилось. В данный момент мне эгоистично хочется запугать её. Не для того, чтобы заткнулась и забилась в конуру, а наоборот. Этот её протест разбудил уважение. Теперь мне еще сильнее хочется проверить её на прочность. Разревись она сейчас, я бы просто отпустил и, вероятнее всего, свалил ко всем чертям искать новое убежище. Слишком проблемная эта святая чудачка, а я ненавижу женский рев. И если бы у нее была хорошо развита интуиция, она бы это почувствовала и воспользовалась случаем. Но девочка оказалась гораздо интереснее, чем предполагалось ранее.

– Если бы со мной не было Кати, я бы еще в поезде придумала, как от тебя избавиться, – сверкает темными глазами и испепеляет ими же. Хм, значит, молчала только ради племянницы. Как я и предполагал.

– Да ты оказывается смелее, чем мне изначально показалось, – прищуриваюсь, убирая от её лба пистолет и скользя дулом по виску, прямо к горлу. – Это может оказаться проблемой, – давлю снизу на подбородок, заставляя задрать голову. Сам склоняюсь навстречу и ощущаю, как вырывающийся из её рта воздух опалает лицо. Дыхание рваное, губы сухие. Но пухлые и сочные. Красные, как спелый гранат. Только сейчас замечаю, насколько девчонка на самом деле привлекательна. Открытый лоб, огромные выразительные глаза, в которых бушует гроза, маленький идеально ровный нос и брови вразлет. Сколько ей лет интересно? Я бы дал двадцать максимум. От девчонки не укрывается моя заинтересованность, и она нервно кусает губу. Слишком много внимания от того, кого только что чуть не убила. Усмехаюсь. Что бы она там не говорила, а все же побаивается, маленькая.

– Почему это может быть проблемой? – интересуется еле слышно, пытаясь отдернуть голову от оружия, но стена позади не позволяет.

– Потому что ты не даешь забыть о себе, – намеренно облизываю губы и веду взглядом по линии её точеных скул. – Я несколько раз обещал тебя не трогать, а тебя как будто не устраивают мои обещания, и ты прямо-таки требуешь внимания к собственной персоне, – склоняюсь еще ниже, касаясь носом края её уха. – Провоцируешь меня?

Девчонка охает и вздрагивает оттого, в каком свете я все представил.

– Нет, это бред. Ты бандит. Ублюдок и сволочь, которая взяла в заложники ребенка. Я физически не могу тебя хотеть! – её слова действуют как нашатырь. Мгновенно проникают в клетки и вышвыривают в реальность, опрокидывая пластом на землю.

– Можешь и не хотеть, – едко замечаю, отклоняясь, и намеренно грубо отвожу пистолетом ворот свободной футболки, оголяя лифчик. Аня дергается, в ответ я только кривлю губы. – Меня не волнует, вызываю я в тебе желание или нет. Если бы я захотел, я бы уже раз пять трахнул тебя. Причем в разные отверстия. Но я не хочу. НЕ ХОЧУ. – резко отстраняюсь, возвращая личное пространство, и Аня, пошатнувшись, приходит в себя. Наблюдаю за тем, как быстро поправляет футболку, гордо вскидывает подбородок и кивает, сжав кулаки.

– Я больше не предприму попыток от тебя избавиться, – ишь какая, испугалась или поняла, наконец?

– Слабо верится.

– Обещаю. Можешь оставаться несколько дней, если твое нахождение и правда не угрожает моей жизни.

– Ты сама ей угрожаешь, – прямым текстом уже говорю, что пора прекратить тупые выходки, – Только выбешиваешь меня. Думай вообще головой своей. А если соседи сейчас сюда ринутся б***ь? Скажешь, хлопушку взорвала по возвращении домой?

– Сейчас день, соседей дома нет никого, – опускает голову, а спустя секунду поднимает ее, пристально смотрит в глаза и уверенно добавляет, – Я поняла все. Просто, чтоб ты знал. Если попытаешься взять меня силой, я убью тебя или себя. Но тебе не удастся унижить меня или втоптать в грязь.

Выдерживаю её взгляд и понимаю, что смотрю на точную свою копию в женском облики. Она так же, как и я, в состоянии шока сначала испугалась, а потом трезво всё обдумав, пришла к выводу, что будет бороться до конца. Черт, девочка, что же ты не попалась мне при других обстоятельствах?

– Иди вари гречку. Я есть хочу! – говорю спокойно и киваю в сторону кухни. Смысл давать обещания, если пока что их всё равно не получается сдержать ни у меня, ни у нее? Аня одаривает меня долгим взглядом, а потом послушно уходит на кухню.

Аня

На негнущихся ногах вхожу на кухню и падаю на стул, закрывая лицо руками. Меня трясет так, будто я только что летела в жерло вулкана и почти коснулась лавы, но меня вытащили оттуда, схватив грубо за волосы и не позволяя обжечься. Разве я готова была убить его? Убить человека? Когда я стояла там, в комнате, а этот сумасшедший подступал все ближе и ближе, без тени страха на лице и сомнения, мне почему-то показалось, что пути назад нет. Изначально была уверена, что он просто уйдет. Заберет свой рюкзак и навсегда исчезнет, но у жизни, по всей вероятности, свои планы. У злодея этого ни единый нерв на лице не дрогнул, когда стальная грудь прижалась к дулу пистолета. Наверное, именно в тот момент стало понятно, что да, я совершу преступление, потому что другого выхода у меня просто не останется. Либо я, либо он. А потом уже будь как будет. В любом случае, я послужила бы обществу. Его все равно разыскивают. А так тщательно могут искать только того, кто совершил особо тяжкое преступление. Вряд ли бы я смогла убить, но ранила бы точно. Стреляю я хорошо. В деревне палили из ружья отца моего первого парня по банкам, и я всегда побеждала. Наверное, я оправдывала себя. Даже, скорее всего. Только стать жертвой издевательств не смогла бы никогда. Все эти ужасающие статьи, документальные фильмы о том, как порой поступают маньяки со своими жертвами, все утро разъедают мне мозги и щедро подсовывают картинки возможных событий. Я настолько эмоционально напряжена, что не могу свободно дышать. Так что я бы пошла на все только для того, чтобы обезопасить себя. Боже, если бы мама услышала меня сейчас, точно по голове бы не погладила.

Меня с самого детства учили быть доброй, отзывчивой и помогать другим. Мама старалась водить в церковь, пусть не часто, не настаивала, если я по каким-либо причинам отказывала, но ей удалось привить мне веру в Высшую Силу. В то, что я нахожусь под постоянной опекой и что бы ни сделала, меня всегда защитят и помогут. Я в принципе привыкла так жить. Помогать другим не из-за благородного воспитания, а потому что не выносила того, как порой несправедлива бывает жизнь к беднякам и старикам. У самой в карманах дырки, так как каждую лишнюю копейку откладываю на учебу, ума не хватило поступить на бесплатное, вот приходится урезать возможные затраты, чтобы получить медицинское образование, о котором грезил с детства. Мне уже тогда хотелось помогать другим. Помню, как использовала разные подручные средства, мастера стеклышки для забора анализов у бедных исколотых иголкой кукол. Иголки я тайком вытаскивала из коробки, в которой лекарства хранились, и, обещая куклам, что им будет не больно, искалывала все руки. Собственноручно клеила карточки, под-

клеивая туда начерканные результаты анализов, выписывала лекарства, а потом радовалась, когда любимый Бобик говорил, что полностью выздоровел.

И вот сейчас я такая правильная, не совершившая в жизни еще ничего дурного или позорного, получаю в ответ на свою праведную жизнь что? Бандита, занявшего мою съемную квартиру? Человека, рядом с которым я даже вдохнуть нормально не могу, потому что боюсь отвернуться, ожидая от него чего угодно. Любого преступления. Да, Дима этот говорит, что ничего мне не сделает, обещает не трогать, и пока он в принципе выполняет обещание, но разве можно расслабиться в компании того, кого разыскивает полиция? И самое страшное... Самое страшное то, когда он только что угрожал мне пистолетом и говорил все эти похабные угрозы, я не могла оторвать взгляда от его зеленых глаз, напоминающих тягучее болото посреди черного леса. Вокруг зрачка светлее, а ободок темный, с прорезями, будто ветки сухие тянут свои когти. Колдовские глаза. Страшные. И губы порочные и мягкие, как мне показалось. Господи, да что со мной? Для Стокгольмского синдрома рановато. Глубоко вдыхаю, стараясь успокоить мечущееся в странном беге сердце. Поверила ли я ему теперь? Странно, но да. Он действительно мог бы убить меня только что за то, что я чуть было не лишила его жизни. Неприкрытая ярость взорвалась так мощно, что даже я ее ощутила. Но он не сделал этого. И даже не привел в исполнение угрозы. Странное поведение, неподдающееся объяснению. Но испытывать его я больше не буду. От греха подальше. Никто не знает, может я просто попала на его усталость от побега, а в следующий раз его нервы не выдержат и все, что мне останется делать – это молить о быстрой смерти.

Снова несколько раз вдыхаю, вслушиваясь в шум, доносящийся из зала. Кажется, включил телевизор.

Собираю себя в кулак и готовлю обещанный обед или это будет ужин, не важно. Гречка выходит немного пересушенной, но яичница с сосисками компенсируют эту оплошность. Накрываю на стол и иду в зал. Дима лежит на диване с закрытыми глазами, закинув одну руку за голову. Под серой от пыли футболкой выделяется крепкий бицепс, жилистая шея полностью открыта, и я даже вижу, как размеренно пульсирует на ней вена. Осторожно подхожу ближе, всматриваясь в даже сейчас напряженное лицо. Он уснул что ли?

– Если ты решила заколоть меня кухонным ножом, то даже не пытайся, – вздрагиваю от неожиданности, когда он произносит это, даже не открыв глаза. Идиот.

– Обед готов, – сухо ставлю в известность и убегаю на кухню. Дима присоединяется через пару минут. Садится за стол и молча принимается за еду. Жадно отламывает половину батона и режет вилкой яйцо напополам. Складывает и отправляет в рот. Он действительно голодный. Впервые вижу, чтобы мужчина так ел. Нет, я и раньше видела голодных парней, но этот словно озверевший дикий пес, пожирающий с миски то, что насыпали. Я стараюсь не смотреть на него, но понимаю, что провалила этот экзамен, когда он, опустошив тарелку, встает и подходит к плите, а я все еще продолжаю следить за ним взглядом.

– Гречка у тебя не ахти, – щедро одаривает меня похвалой, пока снимает крышку с кастрюли и набирает еще несколько ложек пересушенной каши.

– Так и не скажешь, судя по тому, что ты захотел добавки, – без особой смелости парирую, и тут же утыкаюсь обратно в тарелку.

– Я сейчас такой голодный, что и картошку сырую сожрал бы, – достает из холодильника две сырые сосиски, чистит их и принимается есть, заняв свое место.

– Так почему не сожрал?

– Потому что у меня есть ты. Гостеприимная хозяйка, которая так старалась угодить нежданному гостю. Разве я мог тебя обидеть?

Фыркаю, исподлобья наблюдая за тем, как даже сырые сосиски, по всей видимости, ощущаются ему изысканным блюдом. Вот это аппетит. С таким успехом нам продуктов и до завтра не хватит.

Оставшаяся часть ужина проходит в молчании. Оказывается, я тоже проголодалась. Из-за нервного состояния и не поняла этого, пока не начала есть. Дима съел весь батон, учтиво предложив мне корку, когда понял, что оставил меня без хлеба, но я отказалась. Уговаривать никто не собирался. Странно, но доев, мужчина сам вымыл тарелку за собой и даже удостоил меня холодным «спасибо». Ушел в зал, а я осталась убирать со стола. Домыла всю оставшуюся посуду, протерла скатерть, плиту и набрала в железный чайник воды. Привыкла пить чай после еды. Да и в зал идти не горела желанием, а так есть причина остаться на кухне. Развесила влажные полотенца на батарею и обернулась, чтобы взять чашку с полки, но так и замерла. Сердце понеслось вскачь, когда увидела в проходе Диму без футболки, в одних трусах. Широкие плечи практически заслоняют проход, крепкая грудь и подкаченный живот привлекают взгляд против моей воли. Что он делает? Ошарашено пялюсь на него и вдруг понимаю, что мужчина ухмыляется.

– Никогда еще не видел, чтобы мужское тело приводило девушку в такой «бешеный восторг». Дыши, Аня, я всего лишь собираюсь принять душ.

Шумно сглатываю ком и тут же отвожу глаза в сторону, ловя себя на мысли, что невольно оцениваю отчетливо выделяющийся пресс.

– А меня зачем в известность ставить? – спрашиваю, искренне не понимая зачем было ждать, пока я увижу его голый торс.

– Затем, что ты идешь со мной.

Что? Резко вскидываю голову ища на его лице улыбку, как признак самой глупой шутки, но не нахожу, и от этого становится не по себе.

– С тобой?

– Со мной, Аня, – вздыхает и добавляет, закидывая полотенце на плечо. Мое полотенце, – С тобой невозможно разговаривать. Каждый раз приходится повторять по два раза. Я, кстати, в шкафу взял полотенце, надеюсь, ты не против. Свое в рюкзак не влезло.

Я не понимаю, зачем он говорит про какое-то полотенце, если единственное, что сейчас стучит у меня в ушах это осознание того, что он на полном серьезе собирается принимать со мной душ.

– Я не буду с тобой купаться, – заявляю, сцепив кулаки и готовая к любой борьбе. Дима удивленно заламывает бровь.

– С чего ты взяла, что я хочу с тобой купаться?

– Ты сказал.

– Я сказал, что ты идешь со мной в ванную. Можешь взять с собой стул, чтобы не стоять. И только сейчас до меня доходит весь смысл.

– Ты думаешь, когда пойдешь купаться, я вызову полицию?

– Даже больше чем уверен.

– Я пообещала, что не сделаю этого, – напоминаю о своем недавнем обещании, понимая, что отговорка так себе.

– У тебя с обещаниями туговато. Поэтому стул в руки и в ванну бегом.

– Я не пойду!

– Аня, – тон его голоса меняется, опускаясь до угрожающего и заползая мне под кофту, чтобы пронести вдоль позвоночника холодок. – Либо ты идешь сама, либо я прилагаю к этому усилие. Но тогда мои слова по поводу того, что ты не будешь купаться, теряют силу.

Строгий прищур на смуглом лице не оставляет надежды на то, что и на этот раз угрозы не приведутся в исполнение. Тяжелый взгляд заставляет подчиниться. С молотящимся от волнения сердцем, прошмыгиваю мимо мужчины, цепляя обнаженную грудь плечом, и тут же отшатываюсь в сторону. Захожу в маленькое помещение и отворачиваюсь, пока он забирается в старенькую чугунную ванну Анны Павловны. Закрывается шторой и через секунду в раковине

оказываются его черные трусы. Недовольно кривлю нос. Мужлан неотесанный. То толстовку свою бросает на диван, теперь нижнее белье. Ещё и при мне. Как дома у себя.

– Что такое, Аня, трусов мужских никогда не видела? – раздается вдруг из-за шторы.

– С чего ты взял? – бурчу в ответ, понимая, что исподлобья наблюдаю через матовую пленку, как крепкие мужские руки берут мою мочалку, натирают её моим мылом и начинают скользить по коже. Видно не очень хорошо, но очертания просматриваются все же. Чувствую себя извращенкой, но перестать следить за движением его рук не могу.

– Ты так скривилась, будто не трусы увидела, а таракана, – звучит со смешком, пока я неотрывно слежу, как он намыливает все тело и смывает пену под душем. Потом тянется за моим шампунем, набирает немного в ладони и вспенивает волосы. Зачем я смотрю? Сама не понимаю. Какое-то магнетическое зрелище. А с другой стороны, он сам приказал мне быть здесь, так что считай это моя месть. – Нравится вид, Ань?

– А? – не совсем понимаю, о чем он, но, когда до меня, наконец, доходит, становится слишком поздно. Этот мерзавец намеренно быстро отодвигает штору, даже не закрыв кран. Я не успеваю отвернуться и застываю, когда он появляется передо мной полностью обнаженным. Его эрекция не в возбужденном состоянии, но даже так он не малых размеров. У меня во рту пересыхает мгновенно, и я тут же отворачиваюсь, ощущая, как лицо заливают краской. Господи, да что же это со мной?

– Говорю, вид тебе понравился, судя по тому, как ты на меня глазела.

– Ничего я не глазела, – глупо отнекиваюсь, прикрыв щеки прохладными ладонями.

– Да? А мне в зеркале так не показалось, – зеркало ... Черт, на стене ведь висит зеркало, откуда он прекрасно видел то, как я его разглядывала, подобно тому, как любительница истории изучает экспонат в краеведческом музее. Зажмуриваюсь, пойманная с поличным.

– Ты вымылся? Я могу выйти? – игнорирую его издевательский вопрос. Все равно он был задан только с целью меня смутить.

– Я тебя не держу, – звучит над самым ухом, и я разворачиваюсь, чтобы выйти, но натыкаюсь на широкую, голую влажную грудь. Поднимаю взгляд и встречаюсь с его. Внимательным и испытывающим. От мокрой кожи исходит пар, и я вдыхаю его, потому что стою слишком близко. – Иди, Аня, я тебя трогать не стану, – произносит тихо, и я скорее читаю по губам, чем слышу. Вылетаю из душливой комнаты. Выбегаю на балкон и хватаюсь за поручень. Мне жарко и душно, словно нечем дышать. И это не из-за погоды или того, что находилась в полной пара ванне. Это тепло распространяется изнутри. Оно течет так стремительно, что у меня голова начинает кружиться. И причину я осознаю. Понимаю, что, несмотря на то, что особо рассматривать было некогда, я успела заметить и поджарое стройное тело, и кубики пресса на животе. Пялилась, как дура на тонкую дорожку темных волос, спускающуюся к его паху. Кровь в ушах снова зашумела, стоило только вспомнить это зрелище. Стало стыдно, неловко и как-то еще...

Ведь Дима просто сказал побыть в ванне, потому что не был уверен, что я не начну искать свой мобильный. А я ведомая сама не знаю, чем, следила за каждым его движением. Он выполняет свои слова о том, что не будет ко мне приставать, а я... Господи, и кто из нас маньяк?

Дрожащими ладонями еще раз касаюсь щек. Горячие, будто изнутри кто-то их подпалил.

В зале раздаются шаги босыми ногами по полу. Дима освободил ванну. Теперь туда нужно мне. И как можно скорее, потому что показываться ему на глаза нет никаких сил.

Оборачиваюсь и вижу, как мужчина, обтянутый вокруг талии полотенцем, подходит к тумбочке и берет с нее пачку сигарет. На плече небрежно висят мокрые боксерки.

– Надеюсь, мне сопровождение в ванну не потребуется? – входя внутрь, саркастически вскидываю бровь. Маска уверенности сейчас как раз к месту. Пусть даже она фальшивая.

– Только если ты будешь настаивать, – равнодушно отвечает, окидывая меня беглым взглядом.

– Очень смешно.

– Кто-то смеется?

Нет. Никто не смеется. Не смешно вообще. Наоборот. Мне не нравится то, что этот человек бесперемонно ворвался в мою жизнь и квартиру. Не нравится, что мне придется готовить ему и убирать, ведь судя по всему, с порядком и чистотой он не знаком вообще. Не прельщает тот факт, что нужно сопровождать его везде, даже в ванну. И самое главное – мне абсолютно не нравится то, что он вызывает во мне смятение. Смятение – это плохо. Чувство, когда неуверенность начинает пускать корни, прорастивая внутри сомнение – первый знак, что почва под ногами пошатнулась. Растерянность и непонимание дали свои первые ростки. Ещё два часа назад я четко знала, что мне нужно. Но сейчас, казалось бы, прошло всего ничего, а я уже потерялась в своих собственных противоречивых ощущениях. Дима должен вызывать у меня отторжение, неприятие, ненависть за то, что отнял мою жизнь пусть и всего на несколько дней. А он своим непонятным поведением...вызывает смятение.

Глава 5

Дима

Аня убегает в ванну и закрывается на шпингалет. Глупая. Если мужик захочет, даже замок его не остановит. Плохо она, видать, знакома еще с противоположным полом, раз думает, что дверь – надежная защита. Помню, как в студенческие годы расхреначил одной из своих девушек дверь в квартиру, когда та стерва, встречаясь со мной, отправилась на свидание с пацаном из другого потока. Как она потом прощения просила, чуть ли в коленях не ползая, но я такого не прощаю. Раз пошла с другим, значит меня ей мало. А я умею отдавать себя по полной. Не ценишь – вали ко всем чертям. Дверь ей потом тот хрен вставлял.

Так что Аню спасает то, что она не вызывает у меня интереса. Девчонка, от которой я свалю через пару дней и забуду. Хотя внутренний голос нашептывает, что черта с два она мне не интересна, но я его упрямо игнорирую. Интерес интересом, а пускать столь наивное создание ближе, чем на расстояние руки, будет полным отсутствием здравомыслия. Скидываю полотенце, найдя в рюкзаке трусы на замену, и надеваю их. Старые вешаю на батарею сохнуть. Я один живу уже год, поэтому стирать умею и делаю это практически каждый день, если не вырубаюсь от усталости. Когда со Светкой жили, стирала она. Ну как стирала? В машинку закинет и готово. А мне какой смысл запускать ее ради носков и нижнего белья?

Натягиваю спортивные штаны, чистую футболку и заваливаюсь на диван. Включаю телевизор и прощелкиваю каналы с выпусками новостей. Может новости обо мне стремительно завоевывают телевиденье, и я уже звезда экранов? Но нет. Ни бегущих строк, ни громких объявлений по центральным каналам. Все как обычно. Политика, загрязнение природы, погода и остальная ерунда, которой я обычно не забиваю себе голову. Нахожу какой-то новый боевик и утыкаюсь в него. Аня выходит спустя минут тридцать. Полностью одетая, с мокрыми волосами. По комнате разносится малиновый аромат ее шампуня, осаживаясь где-то на глубине моих легких, потому что теперь дышать приходится именно им. На меня не смотрит вообще. Берет фен и снова прячется в ванне. Я же продолжаю просмотр фильма, в сути которого не разобрался потому, что начал смотреть с середины. Высушив волосы, Аня возвращается, кладет фен в тумбочку и выходит из зала, но потом вдруг возвращается.

– Ты будешь чай? – удивляет меня внезапным проявлением вежливости. Бросаю на нее быстрый взгляд и отрицательно качаю головой.

– Нет.

Какой чай, если на улице тридцать два градуса жары, и это учитывая, что уже вечерет и солнце давно не в зените?

Так проходит полдня. Аня то заходит в зал, усаживаясь на маленькое кресло в другом конце комнаты, подбирая под себя ноги и пытаясь вникнуть в суть происходящего на экране телевизора, то снова уходит на кухню и копошится там. Убирает, судя по звукам. Когда она в очередной раз возвращается, начинает трезвонить её мобильный из моего рюкзака. Большие глаза мгновенно взмываются, не тая немой просьбы.

– Можно я хотя бы посмотрю кто это? Может родители. Волноваться будут.

Раздумываю несколько секунд, наблюдая за тем, с каким ожиданием заяц переводит взгляд сначала на меня, а потом на мой рюкзак. Мелодия перестает наяривать и я, решив, что оттого, что она узнает кто звонил, хуже не станет, поднимаю с пола серый от пыли рюкзак и достаю оттуда старой модели смартфон. Провожу пальцем по экрану, разблокировав его.

– Юля какая-то. Думаю, это не срочно.

Блокирую и уже собираюсь вернуть смартфон на законное место, как слышу Анин слегка растерянный голос.

– Это с работы. Напарница моя. Может случилось что-то?

– Ты меня спрашиваешь? – усмехаюсь, наблюдая, как морщится её лоб, пока она пытается понять причину звонка этой самой Юли.

– Нет. Я предполагаю. Можно я перезвоню ей?

– Нет.

– Почему?

– Считаю, что ты в начале двадцатого века, когда мобильник еще не изобрели. Тогда заложницы не болтали по телефону.

Челюсть на маленьком личике неодобрительно сжимается, и в глазах появляются еле заметные сполохи злости.

– Уважающий себя джентльмен никогда бы не взял заложницу. Даже в двадцатом веке.

– Ты так хорошо разбираешься в джентльменах? – черт, я даже слово это с трудом выговариваю.

– Да уж получше тебя, – осмеливается дерзить заяц, но тут же осекается, наткнувшись на мой предостерегающий прищур. – Пожалуйста, – добавляет без прежнего сарказма в голосе. – Она бы не звонила, если бы это не было срочно.

Кусает губу и нервно перебирает пальцы, в ожидании прожигая меня взглядом. Да черт с ней. Разговаривать – то она при мне будет. Протягиваю мобильный и смотрю, как девчонка встает с кресла и приближается ко мне.

Аня

Беру телефон из руки Димы и собираюсь вернуться на свое кресло, как чувствую его ладонь на своем запястье. Вздрагиваю, когда он сжимает его и кивает на диван.

– Здесь разговаривай.

Каждый раз, когда этот парень находится так близко или прикасается ко мне, мое бедное сердце готово перестать биться. Вот так и сейчас. Пока я опускаюсь рядом на диван, меня начинает мелко колотить. И это не от страха. Точнее, конечно, я все еще боюсь его, но уже нет той паники, которую вызывало его присутствие в первые часы. Сейчас настороженность переросла в хроническую стадию, когда я вроде бы уже поверила, что он не станет причинять мне вред, но ожидание чего-то плохого все еще неприятно подтачивает изнутри.

Набираю Юлю, которая уже спустя два гудка отвечает на звонок.

– Ань, привет, – облегченно выдыхает напарница.

– Привет, Юль, – не замечаю, как улыбаюсь от одной лишь возможности поговорить с кем-то другим. Вот ведь как бывает. Даже самые обычные вещи, которым раньше не придавал значения, могут стать особенными при определенных обстоятельствах.

– Слушай, ты приехала уже?

– Да, – клацаю на боковую клавишу телефона, чтобы сделать тише, но её голос все равно отчетливо слышен из трубки. Да и Дима сидит буквально плечом к плечу, отчего еще более некомфортно. Его массивное плечо упирается в мое, и я пытаюсь немного отодвинуться. Мне необходимо личное пространство, потому что находиться в такой непосредственной близости – это как дышать дымом от полыхающего здания.

– Слушай, тут такое дело, – тараторит немного несмело знакомая. – Я в курсе, что у тебя еще неделя отпуска, но мне просто необходима твоя помощь, Нютик.

– Что-то случилось? – обеспокоенно интересуюсь, хоть мы и не подруги. Юлька резвая, бойкая, она может болтать без умолку часа три. Я же её полная противоположность. Так, перекидываемся парой слов, если сталкиваемся на работе или нужно подменить друг друга, но личными переживаниями не делимся.

– Ну... Вообще-то да. Короче, тут такое дело. Мне нужно подать заявление на поступление, а завтра, как оказалось, последний день. Я и забыла, дуреха. Если не подам, то пролечу как фанера над Парижем, а мне просто необходим диплом специалиста. Подменишь меня, а, Нютик? – последние слова Юля чуть ли не хнычет, и я автоматически бросаю вопросительный

взгляд на того, от кого самым прямым образом зависит мой ответ. Дима делает вид, что увлечен просмотром фильма, но не слышать слова напарницы было просто невозможно. Жгу его взглядом, ожидая хотя бы какой-нибудь реакции, но он словно нарочно меня игнорирует.

– Юль, я перезвоню через пару минут, – предупреждаю и сбрасываю звонок, зная, что она начнет сейчас прилагать все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы уговорить меня не отказывать. Только если бы это зависело лишь от меня...

– Дим, – начинаю, набрав в грудь воздух и заранее догадываясь, каким будет ответ. – Юля просит...

– Нет, – отрезает равнодушно, и я немного теряюсь от такой категоричности.

– Что? – хоть и знала, что он это скажет, но возмущение, вспыхнувшее как спичка, не мошка, его просто так не задавишь.

– Неужели ты реально думала, что я разрешу тебе поехать на работу, заяц?

– Заяц? – глупо повторяю я, не понимая, это уменьшительно-ласкательное прозвище, или он подразумевает что-то обидное? Мужчина кивает, ухмыляясь левым уголком губ. – Почему заяц?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.